

Эдуард Фукс

История нравов
Галантный век

Эдуард Фукс

История нравов. Галантный век

«РИПОЛ Классик»

1902–1912

УДК 17(091)
ББК 87.7

Фукс Э.

История нравов. Галантный век / Э. Фукс — «РИПОЛ Классик»,
1902–1912

ISBN 978-5-521-00429-4

В своем блестящем исследовании нравов немецкий историк обращается к эпохе абсолютизма, когда высший свет на закате старого режима ринулся в безудержную погоню за наслаждениями.

УДК 17(091)
ББК 87.7

ISBN 978-5-521-00429-4

© Фукс Э., 1902–1912
© РИПОЛ Классик, 1902–1912

Содержание

Вступление	6
1. Эпоха абсолютизма	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эдуард Фукс
История нравов. Галантный век

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии»,
2017

Вступление

Потерянный рай!

Старик Талейран заметил однажды: кто не жил до 1789 года, тот вообще не жил. И многие тысячи его современников были того же мнения.

Те, кто пережил этот год, остаток жизни грустили о потонувшем острове блаженных, чарующие утехы которого они изведали в юности. Действительность становилась все печальнее, и было ясно, что это волшебное счастье миновало навсегда. Кончилось сновидение о красоте и наслаждении.

Наиболее яркие документы эпохи старого режима¹: искусство и изящная литература, отражающие ее дух, – оправдывают подобную печаль и тоску. В них дышит безупречная, сверкающая красота. Здесь все прекрасно: никогда женщины не были так соблазнительны; никогда мужчины не были так элегантны; даже истина шествовала тогда по земле не обнаженная, а в облачении неиссякавшего остроумия. Роза потеряла свои колючие шипы, порок – свое безобразие, добродетель – свой скучный вид. Все стало ароматом, грацией, зачарованным блеском. Лица людей не омрачались трагическими переживаниями, физической болью, преступными замыслами. Радость и счастье одухотворяют каждую их черту. Слезы смягчаются смехом, а горе – только ступень к более высокому блаженству.

Люди не признают ни старости, ни увядания. Они вечно молоды, вечно шутят, и даже на смертном одре они все еще кокетничают. Все насыщено чувственностью, все дышит сладострастием. Жизнь стала непрекращающимся экстазом наслаждения. А за опьянением следует не угнетающее отрезвление, а новое блаженство. События и поступки не имеют последствий. Есть только «сегодня». «Завтра» не существует. Чопорность не позорит, не искажает чувственности; последняя подобна большому заколдованному лесу, откуда изгнан грех, где не растет дерево с запретными плодами. Вкушать можно от всех сладких, заманчивых плодов сада, и на каждом шагу ожидает осуществление тысячи разнообразных желаний. Наслаждение – неизменный спутник человека вплоть до гробовой доски, и каждому оно щедро расточает свои дары. В предчувствии наслаждения блестит уже взор отрока, как обещанием сияет все еще взор матроны. Природа отменила свои железные законы, лишив отвращения даже то, что противостоит естественности. Даже то, что противостоит естественности, погружено в море сверкающей красоты. Куда ни взглянешь, всюду красота, всюду яркое сияние. Люди живут и умирают среди красоты. Она стоит у постели новорожденного и держит в своих руках руку умирающего. Она – солнце, которое никогда не заходит.

Таков был тот эдем, о котором вспоминали с такой щемящей грустью, до последнего бие-ния сердца, те, кто пережил старый режим. Пылкие стихотворения, очаровательные гравюры, грациозные картины эпохи рококо не лгут, воспроизводя перед нашими глазами этот мир блаженства и наслаждения. Этот эдем в самом деле когда-то существовал, чтобы навсегда исчезнуть с лица земли.

Свидетели прошлого не лгут – в этом нет сомнения, – зато они скрывают часть истины, и притом для истории самую важную. Они умалчивают, что в эпоху старого режима в этом эдеме жило лишь меньшинство, именно те немногие, которым абсолютизм давал возможность жить такой жизнью праздных паразитов, какую не знало европейское человечество даже в дни античной культуры.

¹ Старый режим (*фр.* l'ancien régime) – королевский режим, государственное устройство Франции до Великой французской революции 1789 года. – *Здесь и далее примеч. ред.*

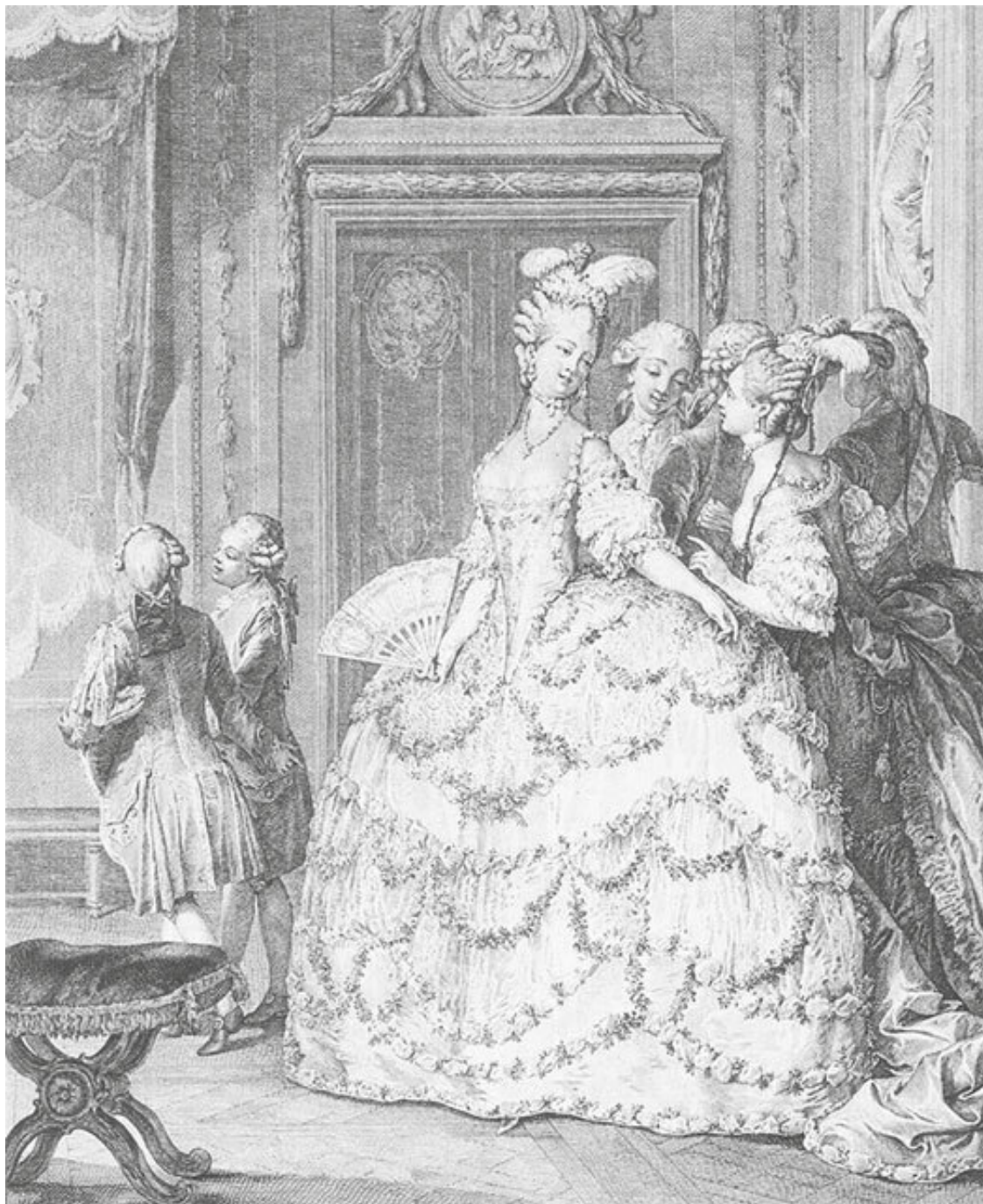
Упомянутые документы умалчивают далее о том, что почти для всего остального человечества жизнь была тогда настоящим адом нескончаемых забот и мук, да и должна была сложиться так, чтобы земля стала раем для немногих.

И вот почему эпоха старого режима была не для всего человечества потерянным раем.

Человечество в широком смысле слова пока еще не обитало в раю и потому и не могло быть из него изгнано, не могло его потерять. Врата эдема для него все еще закрыты. До настоящего времени человечеству в этом широком смысле слова удавалось в лучшем случае заручиться лишь правом стоять у стены, огораживающей эдем блаженства. И ему он лишь порой мерещился в мечтах, как страна будущего... Сильной рукой оно зато устранило тот фундамент, на котором мог воздвигаться рай, подобный раю старого режима. И в этом – надежная гарантия, верный залог того, что однажды оно раскроет врата, ведущие в такой эдем, который вместит всех и всем даст счастье в равной мере.

Конечно, этот эдем будет носить иной характер, осуществит иной идеал жизни, чем то празднично-изнеженное сибаритское существование, каким был, в сущности, в эпоху старого режима рай господствующих классов. То будет, напротив, эдем неутомимого и активного труда. В настоящее время лишь вдали виднеется тот заманчивый порог, который еще предстоит перешагнуть человечеству. И все-таки путь, который ему еще осталось пройти, ничто в сравнении с тем, который оно уже прошло, поднимаясь тысячелетиями от низших ступеней варварства на высоты современной культуры. Вот почему оно когда-нибудь пройдет и этот путь, отделяющий его от совершенства, и перешагнет мощным победителем порог, за которым только и начнется его настоящая история.

1. Эпоха абсолютизма

Эпоха абсолютизма
Верноподданническая психика
Общественная ложь
Галантность

Наиболее яркой чертой в духовной структуре эпохи абсолютизма было бесконечное презрение королевской власти ко всем недворянским элементам населения, к *roture* (черни), как тогда обобщающе называли среднее сословие. Мещанин, рабочий, крестьянин были в глазах командующих классов не людьми даже, а просто существами – креатурами. Именно в эпоху

абсолютизма сложилось убеждение, что только начиная с барона человек имеет право называться человеком.

На этом основании государь окружал себя только дворянами, был доступен только дворянам, и только дворянство имело права. «Король абсолютен только по отношению к народу, к мещанству и крестьянству, а также к отдельным представителям дворянства (к которому можно вполне отнести и высшее духовенство), но не по отношению к дворянству как сословию. Государство становится собственностью короля, причем, однако, доходы – собственность дворянства. Дворянство всё: на него работает крестьянин и ремесленник, для него содержится армия, для него создаются должности и ему принадлежат доходы государства» (К. Гуго).

Подобное презрение к черни было неотделимо от соответствовавшего ему прямо противоположного умонастроения, выливавшегося в своем крайнем выражении в чувство собственного богоподобия. Абсолютный государь становится в своих глазах, а также в глазах всего мира высшим земным существом, становится владыкой «божьей милостью». Власть его не от народа, и он ответственен только перед Богом. Такой типичный абсолютный государь, как Вюртембергский герцог Карл Евгений, имел своим девизом слова: «Государь – образ и подобие Божье. Он имеет право делать добро и зло, как ему заблагорассудится». Из такого воззрения само собой возникает убеждение, что единственный и высший закон для страны – *его* благо, *его* удовольствие: *suprema lex regis voluntas* (воля короля – высший закон). Этот принцип становится во всех странах общим мнением, получает всеобщее признание, возводится в догмат, который в продолжение столетий принимается на веру и если критикуется, то только украдкой и тайком. Фраза «*car tel est notre plaisir*» («потому, что нам так хочется») все оправдывала или же опровергала.

Наука и искусство обязаны прославлять лишь короля, и они в самом деле поют только ему – всемогущему – хвалу. История становится описанием героизма и подвигов его и его предков. В его и их лице на землю спустился самый блестящий и гордый род. Монарх полон мудрости и добродетели. Никогда раньше мир не видал подобного соединения в одном человеке благородства, величия и возвышенности.

Когда сын гениального Кольбера² был причислен к придворным Людовика XIV, то отец усмотрел в этом высшее счастье, ибо «ошибки сына будут замечены и исправлены лучшим из государей, возвышеннейшим человеком, величайшим и могущественнейшим королем». И он обращался к монарху со следующими словами: «Сир, наша обязанность благоговейно молчать и ежедневно благодарить Бога за то, что Он позволил нам родиться под скипетром государя, не признающего иных границ, кроме собственной воли».

А Людовик XIV не умел ни читать, ни писать, тогда как Кольбер был одним из наиболее выдающихся умов своего времени.

В приведенных словах Кольбера отнюдь не следует видеть иронию. Нет, именно таков был язык придворных в эпоху абсолютизма. У более посредственных умов этот язык звучал лишь более напыщенно, пестрил одними превосходными степенями.

И теми же путями шло искусство.

Стиль барокко – художественное отражение княжеского абсолютизма, художественная формула величия, позы, представительности. Абсолютизм создал особый стиль дворцовых построек. Дворец уже не крепость, как в Средние века, пробуждающая в обитателях чувство безопасности от нападений и неожиданностей, а низведенный на землю Олимп, где все говорит о том, что здесь обитают боги. Обширная передняя, огромные залы и галереи. Стены покрыты сверху донизу зеркалами, ослепляющими взоры. Без зеркал не могут обойтись ни поза, ни жажда представительства. Ничто не должно быть скрываемо; все должно стать выставкой богоподобия – даже сон государя. Сады и парки, окружающие на значительном расстоя-

² Жан-Батист Кольбер (1619-1683) – генеральный контролер (министр) финансов Франции с 1665 года.

нии дворец, выстроенный в стиле барокко, – сверкающие поляны Олимпа, вечно смеющиеся и вечно веселые. Весна превращена в отягченную плодами осень, зима становится напоенным ароматами летом. Опрокинуты все законы природы, и только воля государя повелевает ею.

Величие, помпезность – таковы наиболее яркие признаки и искусства. Сцены из классической древности, жизнь богов – его постоянная тема – это *его* жизнь, обожествление *его* власти. Юпитер и Марс наделены *его* чертами, как Юнона и Венера – портреты *его* супруги. Пластические искусства превращают античные мифы о богах в историю *его* династии и жизни, их победы – это *его* победы. В *его* руках покоятся гром и молнии, и, сгорая от сладострастной истомы, рвутся к *нему* божественно прекрасные тела Данаи и Леды. От *него* родится новое поколение богов, и если блистательно возрождается век древних героев, то только благодаря *ему*.

Выше монарха ни в идее, ни на практике нет никого. Вот почему дворец в стиле рококо, последнего звена в развитии архитектуры эпохи абсолютизма, всегда одноэтажен, ибо никто не должен и не может стоять или ходить над его головой: он – церковь, идея божества в переводе на мирской язык. В лице абсолютного государя на земле шествует само божество. Отсюда величие, отсюда золотом сверкающая пышность, в которую облачается абсолютный монарх. Золото и драгоценные камни – его одежда; золотом и блеском сверкает ливрея его придворных лакеев. Из золота сделаны: стул, на котором он сидит, стол, за которым он обедает, тарелки, с которых он ест, приборы, которыми он пользуется. Золотом и серебром затканы занавески над его ложем, обои на стенах. Со всех сторон, заливая его своим блеском, окружает его золото. Золотом украшена упряжь его лошадей, и он едет по улицам города в золотой колеснице. Вся его жизнь, весь его придворный штат облачены в золото. Все залито светом, а свет стал золотым. Ослепительно сияют тысячи свечей в его хоромах в праздничные дни, и все снова и снова отражают покрытые зеркалами стены. Он сам есть свет, и вот почему он всегда окружен светом.

Этим объясняется также чопорный, до мельчайших подробностей предусмотренный церемониал, которым обставлена каждая услуга, оказываемая ему с момента пробуждения и до минуты погружения в сон. Этот церемониал превращает самое ничтожное действие в акт первостепенной государственной важности, лишает даже самую противную услугу ее унижительного характера. Ежедневный присмотр за уборной французских королей – почетная должность, исполняемая доподлинным герцогом. Вот почему государь далее постоянно окружен плеядой придворных. Одинок только ничтожный и бессильный. Знаку всемогущего повинуются вся Вселенная. Придворные – вестники его могущества.

Так как в лице абсолютного монарха на землю спустился сам Бог, то личность его священна. Отсюда неприступность и величие, свойственные каждому его шагу, окружающие его атмосферой, непроницаемой для простых смертных.

Само собой понятно, что «чернь» была отделена от монарха не только гранями незримыми, но и строгими предписаниями, неприступными стенами, изгородями и заборами. Вход в огромные парки и сады, окружавшие резиденции государя, был строжайше запрещен, для их посещения требовалось особое разрешение, и нарушение этого правила каралось обыкновенно драконовыми наказаниями. Когда монарх совершал прогулку по городу, то нередко целые улицы и бульвары оцеплялись, и только издали народ обретал высокое счастье лицезреть священную особу монарха. Так было в Веймаре при жизни Гете. А тот, кто удостоивался его взгляда или милостивого обращения, постигал величайшее счастье, которое только может выпасть на долю смертного, и на всю жизнь он чувствовал себя вознесенным высоко над своими согражданами. На нем покоилось око самого божества, его коснулся луч божьей милости. А тот, кто почувствовал постоянный интерес государя, до известной степени сам приобщался к его божественности.

Официальная любовница вызывала презрение разве только в сердце ее конкуренток. Раз ее красота и любовь заслужили королевское внимание, то она сама становилась «божьей милостью».

И это положение пытались даже научно обосновать. В своей «Придворной философии» знаменитый Томазиус из Галле говорит: «Когда речь идет о князьях и господах, то нет места *odium in concubinas* (ненависти к любовницам), ибо князья и господа обязаны отдавать отчет в своих поступках только Богу, в силу чего на любовницу видимым образом падает некий отсвет от ореола ее любовника».

Почести, предписанные королем для официальной любовницы, оказываются ей с тем же благоговением, как и ему, – правда, только до тех пор, пока ей разрешено разделять его ложе. Как только чары другой признаны более обаятельными, звезда и счастье недавней фаворитки погружаются в ночь забвения.

Так как смертный не в состоянии прямо смотреть на солнце, то к воплотившемуся в земном теле божеству подходят не иначе, как склонив голову и колена, а речь становится заглушенной, так как слишком громкое слово нарушило бы почтение. Аудиенция, милостиво дарованная, превращается в акт боготворения. В своем дворце герцог де Фейад воздвиг золоченую статую Людовика XIV и устраивал перед ней по ночам при свете факелов своего рода идолопоклонство. Склонив колена, приветствуют монарха даже придворные, как и прохожие на улице. Когда по дороге мчится королевская карета, кавалеры и дамы бросаются в ров и ждут на коленях, пока она проедет. Мимоходом брошенный на них случайный взгляд служит им достаточным вознаграждением за то, что они встают с земли, покрытые грязью. И даже если в карете никого нет, ей оказывается такое же почтение.

Абсолютный монарх охотно выставлял напоказ свое земное всемогущество: отсюда демонстративная игра в солдатики. Ничто лучше внушительной армии так убедительно не обнаруживало власть, имевшуюся в руках. Так как этим путем можно было продемонстрировать по крайней мере свое земное могущество, то даже ничтожнейший из земных деспотов содержал «войско». Милитаризм принимал при таких условиях характер декорации, становился игрушкой, доходя в иных случаях до смешного. В Вюртемберге самые рослые парни попадали в «лейб-гвардию». Один современник описывает ее следующим образом: «Лейб-гвардия щеголяет в красных мундирах с черными отворотами, в жабо и манжетках, в высоких касках, с расчесанными и напудренными волосами и с черными усами. Сапоги и брюки их до того узки, а последние к тому же так набиты сзади и спереди толстой бумагой, что им трудно садиться и вставать. Горе тем несчастным, которые падают на улице или во время парада! Своими силами они не могут подняться. Приходится их брать под руки, и требуется не менее двух человек, чтобы их снова поставить на их бумажные ноги».

Не менее смешны были, впрочем, и высокорослые молодцы прусского короля Фридриха Вильгельма I. Смешная поза и здесь заменяла истинную силу. Абсолютный монарх под гипнозом своего видимого всемогущества, очутившегося в его руках только благодаря противоположности интересов боровшихся общественных сил, в самом деле искренне верил, что все это так и быть должно. Он нисколько не сомневался, что в нем живет и действует само божество. Французские короли одним прикосновением руки лечат болезни и недуги, порой действительно исцеляя больных: чудо это творила вера.

В этом ключ к разгадке и логическое оправдание всех поступков самодержавного государя. Божество может распорядиться всем. Оно вольно над жизнью и свободой подданных, в особенности же над их собственностью. Все принадлежит по праву королю. Все государство – его личное владение. При Людовике XIV не раз серьезнейшим образом обсуждался вопрос, «не следует ли королю фактически взять в свои руки все земли и доход Франции». К этой удивительной мысли все снова и снова возвращались. В инструкции, составленной по поручению короля для дофина (наследника престола), говорится: «На том же основании все, что

находится в пределах наших владений, принадлежит нам, что бы оно ни было. Вы должны быть убеждены в том, что короли от природы имеют право свободного и полного распоряжения всем имуществом клира и мирян и могут каждую минуту, подобно мудрым управляющим, им воспользоваться для нужд государства».

А когда привилегированные сословия увидели в пропаганде подобной абсолютистской аксиомы угрозу своим старинным «правам» и подняли протест, то немедленно же выступили придворные юристы и стали доказывать, что «король – собственник всей земли государства».

Так как абсолютный монарх считал себя естественным, прирожденным собственником всей страны, то он не только имел право распоряжаться всеми налогами, – абсолютистская логика внушала, кроме того, мысль, что не может быть ничего более естественного, как желание присвоить себе на личные нужды большую часть этих налогов. При этом, разумеется, в голову не приходило считаться с вопросом, соответствуют ли прихотям находящиеся в наличности суммы. Все абсолютистские дворы поэтому отличались безумной расточительностью.

Огромный дефицит во французском бюджете, незадолго до революции приводивший министров в крайнее смущение, не помешал Людовику XIV купить для королевы за 18 миллионов ливров замок Сен-Клу, а для себя – за 14 миллионов замок Рамбуйе. Проиграть 100 или 200 тысяч ливров в один вечер было для Марии-Антуанетты пустяком. Екатерина II истратила на своих фаворитов 90 миллионов рублей. Эта огромная сумма, однако, ничто в сравнении с тем, сколько Людовик XV тратил на свои любовные капризы. Одно снабжение пресловутого «*parc aux cerfs*» («сада оленей») все новым, свежим товаром стоило несколько сот миллионов, не считая расходы на видных любовниц вроде г-жи Помпадур, сестер Нель, Дюбарри и др. Одна Помпадур стоила государству несколько десятков миллионов. Не дешевле обошлись Франции незаконные жены Людовика XIV. Строительная мания Людовика XIV стоила еще дороже. В один год, желая создать обиталище, достойное своей священной особы, он истратил 90 миллионов франков.

Каждый абсолютный государь Европы считал своей обязанностью подражать пышности, мании сооружения великолепных зданий и расточительности «короля-солнце»³... Строительная горячка Фридриха II поглотила в короткий срок несколько десятков миллионов, что представляло огромную сумму, если принять во внимание как бедность Пруссии вообще, так в особенности вызванную Семилетней войной нищету, ибо с этим периодом как раз совпадает мания строительства короля. Абсолютно и относительно еще значительнее были траты на великолепные постройки вюртембергского, баденского и гессенского дворов. При самом маленьком дворе существовали: обер-гофмейстеры, обер-гофмейстерины, кавалеры, дамы, аристократы-пажи, стоявшие в блестящей ливрее за стульями их величеств и менявшие тарелки, несмотря на свое знатное происхождение. А далее следовали просто пажи, гофмейстеры, шталмейстеры, повара, садовники, камердинеры, егеря, гайдуки, скороходы, не считая огромной толпы лакеев, камеристок, гардеробщиц, кучеров, ефрейторов, конюхов, помощников садовника, поварят, служанок, и, наконец, неизменная «лейб-гвардия», которая то и дело при всяком поводе должна была брать на караул и салютовать.

Большинство абсолютных монархов не только горячо стремилось к тому, чтобы не отстать от версальского образца, – часто они видели свое честолюбие в том, чтобы еще превзойти, разумеется в мелочах, этот образец. И многим в самом деле удавалось осуществить честолюбивую мечту. В особенности прославились этим Карл Август Саксонский и Карл Евгений Вюртембергский. Их, впрочем, извиняет то обстоятельство, что их умственные способности были развиты обратно пропорционально их вожделениям самцов. Праздники вюртембергского «деспота в миниатюре», расточительность которого была тем больше, чем меньше была страна – в ней насчитывалось тогда не более 600 тысяч жителей, – ежегодно украшал балет-

³ Официальное прозвище Людовика XIV.

ный идол Вестрис, получавший гонорар в 1200 гульденов. Еще дороже обходились великолепные фейерверки, которыми завершались праздники и для устройства которых герцог выписал итальянца Веронезе, знаменитого фейерверкера своего времени. Этот последний должен был показывать свое искусство даже и тогда, когда ненастье мешало проявлению его таланта.

В одном описании Вюртемберга, вышедшем в 1765 году под заглавием «Сущая правда, или Записи знаменательных событий дома Вюртембергов», говорится: «Хотя во дворце смеются немного, зато тем больше едят. Немало и пьют, а во время десерта пускают фейерверки не хуже, чем при дворе христианнейшего короля. Впрочем, эти фейерверки не имеют ничего общего с большим фейерверком, который сжигается на вольном воздухе все равно, какая бы ни была погода. В 1763 году дождик совершенно промочил все ракеты. Однако герцог и слышать не хотел о том, чтобы отложить фейерверк – стоил он 52 тысячи гульденов, – хотя фейерверкер и уверял его, что и пятидесятая доля не загорится. В таких представлениях герцог видел истинные доказательства великолепия и пышности».

Недурненькая сумма – 52 тысячи гульденов! На эти деньги можно было тогда прокормить в течение одного дня всю страну.

В мемуарах барона фон Вимфена, который долгое время был участником веселой жизни при вюртембергском дворе, встречается описание, прекрасно обобщающее эту последнюю: «В 1763 году я вернулся после годового пребывания при испанском дворе в Штутгарт и с тех пор в продолжение 10 лет кружился здесь в вихре удовольствий и праздников, и никакое беспокойство не нарушало наши наслаждения. Герцог содержал 15 тысяч солдат, красивее и дисциплинированнее которых не было ни в одной стране. К его услугам находилось до 200 дворян, среди них 20 принцев и имперских графов. Он содержал 800 лошадей и постоянно увеличивал и украшал свою летнюю резиденцию Людвигсбург. При вюртембергском дворе была лучшая в Европе опера, лучший оркестр и, после парижской, лучшая в свете французская комедия. Кроме ежедневных представлений, доступ к которым был бесплатен, часто устраивались праздники, великолепие которых я сумел оценить только тогда, когда позднее познакомился с тем, что вызывало всеобщий восторг при других дворах. Приятнее же всего были летние путешествия герцога на его виллы, преимущественно в Графенек – замок, лежащий в одной из самых глухих местностей Шварцвальда, где герцог часто проводил часть лета. Обыкновенно герцога сопровождало только 10-12 кавалеров, и я почти всегда имел счастье быть в их числе. Остальная свита состояла из 600 или 700 человек, предназначенных для его развлечения. Здесь были налицо все лучшие силы французской комедии, комической и итальянской опер. Оркестр состоял сплошь из первоклассных виртуозов. Тут были: Дзомели, Лолли, Нардини, Рудольфе, Шварц, братья Пла. Новерр получил приказ ставить самые восхитительные балеты. Зритель видел только очаровательные танцы богинь и нимф. Все, что только могут дать талант и природа в смысле наслаждений и утех, было налицо, и все было как нельзя лучше настроено, чтобы по достоинству оценить эти удовольствия. Мы засыпали и просыпались среди веселья. Два оркестра будили нас по утрам. Завтракали все вместе, обыкновенно под сенью безлюдного леса. Под звуки музыки приступали к кадрилям и рондам, готовясь к вечернему балу. В промежутках занимались туалетом, игрой, едой, разнообразными развлечениями. То отправлялись ловить рыбу, то на охоту, то на прогулку в темный зеленый лес, всегда в компании богинь и нимф.

Более приятно я никогда не проводил время, а иногда испытывал такое наслаждение, что еще и теперь при одном воспоминании меня охватывает очарование, хотя чаще – грусть. И не одни только красавицы девушки способствовали веселому времяпрепровождению. Все решительно содействовало ему: прекрасный стол, превосходный аппетит, вызываемый как утренними танцами, так и послеобеденной охотой, и, что важнее всего, с нами был герцог, всегда веселый, всегда в добром расположении, исполненный мудрости и остроумия, всегда снисходительный к своим придворным».

Одна цифра может дать наглядное представление о том, сколько стоили упомянутые здесь охоты. Однажды крестьяне должны были для развлечения государя согнать со всей страны к замку Солигюд не менее 6 тысяч оленей. А о том, как совершались эти «охоты», свидетельствуют вышеупомянутые мемуары. «В 1763 году третья часть праздника происходила на равнине, где устроили облаву на дичь. Перестреляли многие сотни крупной и мелкой. Я должен объяснить, как это делалось. Загоняют в загон несколько тысяч штук разной дичи, которая потом поодиночке выпускается из калитки. Герцог и знатнейшие участники охоты уже стояли наготове с ружьями и встречали бедное животное дробью. Вы скажете, что это не развлечение, а бойня. Слушайте же, чем все это кончалось. Дорога от калитки, через которую выходили животные, замыкалась прудом, который был вырыт таким образом, что в нем ямы чередовались с насыпями. Испуганное животное бросалось в пруд, а здесь его ожидали уже две смерти, а не одна. И в этом заключалось главное удовольствие. А это удовольствие усугублялось еще тем, что пруд был созданием не природы, а человеческих рук, копавших его в суровую зимнюю пору. Несмотря на отчаянный мороз, герцог велел пригнать воду из отдаленных местностей, и сорок печей, никогда не потухавших, подогревали ее, чтобы она не замерзла».

Уже эти немногие приведенные документы доказывают, что Вюртембергский герцог Карл Евгений в самом деле ухитрился побить рекорд расточительности, введенный в моду «королем-солнце». Нетрудно было бы привести еще множество других аналогичных фактов. Такие же красноречивые примеры и такие же внушительные цифры иллюстрируют расточительность Августа Сильного. Достаточно указать на известный «дворец наслаждений» при Мюльберге, приводивший в изумление всю Европу, – о расточительности именно этого государя нам, впрочем, придется говорить еще не раз.

Необходимо здесь упомянуть, что «короля-солнце» старались перещеголять не только как любителя пышности и блеска, но и как абсолютного самодержца. Государей маленьких стран были часто наиболее мстительными деспотами и были более других помешаны на своем богоподобии. В Вюртемберге каждый обыватель был обязан снять шляпу не только перед самим герцогом, но и перед его часовыми, притом под страхом телесного наказания. Ни сан, ни возраст, а тем менее заявление провинившегося, что он не заметил герцога, не спасали от этой кары. Когда в 1783 году некий камер-советник по рассеянности не отдал чести часовому, то лейтенант фон Бёнен приказал отвести провинившегося на гауптвахту и там всыпать ему 25 палочных ударов. Подобные процедуры составляли даже одну из тех заслуг, ради которых герцог основал в 1759 году высокий орден Карла. И потому расторопный по части порки лейтенант был немедленно же награжден этим орденом за свое усердие.

Не менее яркий пример помешанности государей небольших стран на своем богоподобии представляют комические излияния болтушки Елизаветы Шарлотты, которая во всем видела оскорбление ее сана. В 1720 году пфальцграфиня (владетельная княгиня) писала, например: «Однажды г-жа Ментенон выписала из Страсбурга двух девушек, выдала их за графинь и определила в качестве горничных к своим племянницам. Я ничего об этом не знала. *M-me la Dauphine*⁴ пожаловалась мне со слезами на глазах. Я ответила ей: не волнуйтесь, я устрою это дело. Когда я права, мне наплевать на старую ведьму. В окно я вижу, как *piесе* гуляет с немецкими барышнями. И вот я спускаюсь и встречаюсь с ними. Подзываю одну и спрашиваю: кто она?

Она отвечает в лицо: пфальцграфиня фон Лицельштейн. „Так!“ – говорю я. „Но я вовсе не незаконная, – говорит она. – Молодой пфальцграф женился на моей матери, урожденной фон Гелен“. Я возражаю: „В таком случае вы не можете быть пфальцграфиней, ибо мы – пфальцграфы – не признаем мезальянсов. Впрочем, я скажу больше: ты просто лжешь, утверждая, будто пфальцграф женился на твоей матери, она просто-напросто... которая спала вовсе

⁴ Дофина – супруга наследника престола во Франции.

не с ним, а со многими другими. Я знаю, кто ее настоящий муж, – музыкант, играющий на гобое. Да, это правда! А если ты еще раз осмелишься выдать себя за пфальцграфиню, то я велю сорвать с тебя юбку. Не желаю я больше слышать подобной чепухи. Если же ты последуешь моему совету и будешь называть себя своим именем, то я не буду тебя больше упрекать за твое происхождение⁵. Девушка приняла мои слова так близко к сердцу, что умерла несколько дней спустя. Другую отправили в Париж в пансион. Я пошла к нашей Dauphine и рассказала ей, что произошло. Она призналась, что очень рада, что я так поступила, так как у нее не хватило бы мужества. Madame la Dauphine заметила, что король задаст мне, однако мне не сказали ни слова. Только несколько раз, смеясь, король заметил: *il ne faut pas bien se jouer à vous sur le chapitre de votre maison. La vie en dépend*⁶. Я ответила: *je n'aime pas les menteries*⁶. Другая „пфальцграфиня“ сделала в Париже такой же непотребной женщиной, какой была и ее мать. Так как она, однако, изменила свое имя, то я махнула на нее рукой».

Подобными жалобами изобилуют вообще письма Елизаветы Шарлотты, а эта дама принадлежала, несомненно, еще к наиболее умным представителям этой породы.

Мстительное отношение маленьких деспотов к своим антагонистам прекрасно характеризуется таким позорным фактом, как десятилетнее заточение Шубарта⁷ в крепости Гогенасперг. Можно ограничиться этим примером.

Божьей милости нет предела, и, когда раскрывается Его щедрая рука, она положительно осыпает своим благословением голову ошачливленных. Не менее расточителен и щедр и самодержавный государь. Неосновательна поэтому острота Галиани: «Добродетель монарха подобна девственности: представление о ней приятнее обладания ею». Из всей идеологии абсолютизма логически вытекает, что эти милости предназначались исключительно для дворянства и ни один их луч не касался простого народа. После всего вышесказанного нет надобности более подробно обосновывать это положение.

За 15 лет (1774-1789) Людовик XVI истратил круглым счетом 228 миллионов ливров на подарки дворянству, из которых 80 миллионов пошли на его собственную семью. Нетрудно видеть, как выгодно было пользоваться дружбой королевской фамилии. Красноречивым доказательством может служить благословение, покоившееся на семействе Полиньяк. Герцогиня Полиньяк была интимнейшей подругой Марии-Антуанетты, и это было настолько выгодно, что ее семья пользовалась благодаря милости королевы ежегодной пенсией в 700 тысяч ливров. Сам герцог Полиньяк получал ежегодную ренту в 120 тысяч ливров, а однажды расписался в получении в подарок 120 тысяч ливров на покупку имения: бедняга не выносил городского воздуха.

Не менее щедры были предшественники Людовика XVI. Пфальцграфиня Лиза Лотта сообщает ухмыляясь о миллиончике, который ей подарил ее щедрый любвеобильный сын. Она пишет (1 сентября 1719 года): «Мой сын сделал меня теперь богаче и увеличил мою пенсию на 150 тысяч ливров». А менее чем четверть года спустя (28 ноября 1719 года) она снова сообщает: «Сын подарил мне на 2 миллиона ливров акций на постройку дворца». Эти люди умели прикарманивать деньги, а карманы их были поистине бездонны.

А кроме той заслуги, что Провидение в образе маленького государственного переворота сделало ее сына регентом Франции, других совершенно не имелось. Эта дама тратила на хозяйство ежегодно 300 тысяч ливров, а она была еще одной из наиболее экономных. Впрочем, тогда вообще не скупилась. Когда сменившая сентиментальную Лавальер г-жа Монтеспан получила после десятилетней верной службы в свою очередь отставку, то чтобы ее утешить, ей назначили

⁵ Не следует шутить по поводу вашей семьи. От этого зависит жизнь (*фр.*).

⁶ Я терпеть не могу вранья (*фр.*).

⁷ Кристиан Фридрих Даниель Шубарт (1739-1791) – немецкий поэт, композитор и публицист; за издание антифеодальной газеты провел 10 лет в заключении.

ежегодную пенсию в 1000 луидоров. «Эта метресса, – писал современник, – стоила Франции втрое более, чем все ученые Европы». Эти слова вместе с тем наглядно показывают, как скупотно относился абсолютизм к науке. Не менее хорошо устраивались обыкновенно и любовники в отставке. Достаточно напомнить, какие огромные суммы получили бывшие фавориты Екатерины II.

Мелкие государи подражали крупным. Во всех странах приспешники абсолютизма проглотили несчетные миллионы. Вюртембергский герцог Карл Евгений любил дарить приглашенным на праздник дамам котильонные ордена в виде драгоценных украшений. Однажды это развлечение обошлось ему ровно в 100 тысяч гульденов: такую сумму он раздарил в какие-нибудь четверть часа. А Август Сильный обыкновенно вручал дамам, пользовавшимся его благосклонностью, для первого знакомства букеты из рубинов и алмазов.

Даже в экономной Пруссии царили безумные привычки и приемы. Предпринятая в 1796 году под эгидой Фридриха Вильгельма II «германизация» Польши была не чем иным, как грандиозным мошенничеством, причем в данном случае несущественно, что от него пострадало преимущественно польское дворянство и духовенство, бессовестно обираемое. Приведем для характеристики следующее описание этого приема: «Товарищество Гойм, Бишофсвердер, Трибенфельд и Рид – „правительство“ Фридриха Вильгельма II – работало следующим образом. Оценив конфискованные польские имения значительно ниже их стоимости, оно или передавало их даром (как „дарованные поместья“), или же продавало по фиктивной цене „добрым немецким сельским хозяевам“, готовым заплатить щедрые отступные. А новые владельцы спешили перепродать имения всем, кто только подвертывался, все равно: полякам, евреям, русским, туркам, – если только могли получить за свои имения полную рыночную стоимость. Вот несколько примеров для иллюстрации этой удивительной коммерческой аферы. Бишофсвердер получил в подарок имение, стоившее будто бы 18 тысяч талеров, на самом же деле 191 тысячу, и перепродал его за 115 тысяч. Тайный советник фон Гольдбек получил за подаренное ему имение ценою будто бы в 28 тысяч талеров сразу 80 тысяч. Граф Люттихгау продал имение, оцененное в 84 тысячи талеров, за 800 тысяч. Кроме того, он „купил“ за 26 тысяч талеров восемь поместий, одно из которых было вскоре оценено в 90 тысяч. Не довольствуясь „дарованными имениями“, генерал-майор фон Кухель „купил“ еще поместье за 30 тысяч талеров и сейчас же перепродал его за 130 тысяч. Блюхер также получил несколько значительных поместий, которые спустил одному эльбингскому купцу за 140 тысяч. Впрочем, следует признать, что товарищество Гойм и К⁰ делало дела не только с юнкерами, но и не забывало „каналей“ – адвокатов, купцов, владельцев гостиниц и т. д., – конечно, если они платили хорошие отступные. Один второстепенный приспешник Трибенфельда и Ридца, владелец галанте рейной лавки Тресков, получил разрешение „скупить“ на 80 тысяч талеров поместий, стоивших по меньшей мере 350 тысяч, и удостоился за подобный патриотический подвиг еще и дворянства».

Лишь в одном отношении земные боги эпохи абсолютизма отличались от своего небесного образца: сколько ни напрягались, творить чудеса они не умели. Делать из ничего золото – этот эксперимент не удался ни одному из них. А так как даже такие хитроумные планы, как упомянутая мысль Людовика XIV объявить всякую собственность собственностью короны, разбивались о безжалостную логику фактов, то поневоле приходилось изыскивать другие пути. И они дали в конце концов больше, чем могли дать экспроприация или сдача в аренду земли, принадлежавшей бюргерам и крестьянам. Доказательством может служить хотя бы политика займов, практиковавшаяся Колонном, которого Людовик XVI в 1783 году назначил министром финансов. Ему удалось в какие-нибудь три года, когда он стоял у кормила власти, мошенническим образом выманить у Франции колоссальную сумму в 650 миллионов ливров – сумму для того времени прямо баснословную. И все эти деньги стекались в королевские карманы, или по крайней мере большая их часть шла этой дорогой.

Первое средство, всюду пущенное в ход абсолютизмом, чтобы получить суммы, необходимые для его потребностей, состояло в произвольном назначении новых налогов. Все решительно подвергалось обложению, и один налог следовал за другим. Желая обеспечить себе получение налогов и вместе с тем освободить себя от необходимости организовывать поборы, французские короли придумали гениальный с виду метод – систему откупов, институт генеральных откупщиков. Они вербовались, естественно, из рядов придворных креатур, и с ними заранее сговаривались относительно суммы, которую они должны были внести в королевские кассы. В 1787 году существовало 44 откупщика, вместе вносивших в государственное казначейство 138 миллионов. Взамен как этой суммы, так и организации податного сбора они получали привилегию по собственному усмотрению увеличивать в каждом отдельном случае цифру налога.

В результате народ должен был платить вдвое больше, чем вносилось в кассу короля.

Разумеется, отсюда не следует, что там, где назначением и сбором податей заведовало само государство, бремя налогов было менее тягостным. В Пруссии «контрибуция», которой были обложены крестьяне, колебалась в зависимости от провинций между 33 ½ и 45 % дохода. Другими словами: каждая гуфа⁸ земли была обложена восемью талерами, тогда как помещик платил с нее менее двух талеров. А из жалких остатков крестьянин должен был платить почти столько же всяких других повинностей. Это, конечно, не мешало Фридриху II фигурировать в «исторических» трудах придворных историков в качестве «мужицкого короля».

Однако налоги не пополняли и наполовину королевских касс, потребности которых возрастали обратно пропорционально доходам. Абсолютизм должен был поэтому организовать форменный грабег народного кармана. Он, кроме того, открыто или тайно поддерживал те махинации, при помощи которых капиталисты-эксплуататоры особенно успешно наживались во время голода или других подобных бедствий, пользуясь народной нуждой для выгодных афер.

Провозгласить продажность всего, чем король мог распоряжаться, было самым естественным и близким средством получить деньги. Поэтому все должности не передавались, а продавались, подобно тому как некогда папство продавало с аукциона церковные должности. Само собой понятно, что тем самым каждая должность становилась источником и средством эксплуатации. Так оно и было на самом деле. Ни одна служебная функция отныне не исполнялась без предварительных поборов. Кроме того, каждый обыватель был обязан беспрекословно подчиняться всякому проявлению «служебного» рвения. Бедняк должен был позволить осмотреть свои винные бочки и платить за них даже в том случае, если они давно уже развалились и он давно уже по бедности не лакомился вином.

В то же время всякая должность была провозглашена государственной службой. У городов отняли их автономию, и если города не выкупали ее, то городские должности превращались в государственные, само собой понятно, за счет самого же городского населения, которое должно было их содержать. Так поступали в продолжение столетий французские короли, Габсбурги, Гогенцоллерны, а с ними вся армия мелких государей. Получить должность мог уже только тот, кто платил больше других. Не было надобности доказывать наличие способностей для данной должности. Дурак побеждал гения, если у него был туго набитый кошелек.

Содержатель дома терпимости мог сделаться церковным советником, и таких случаев было немало. Заведомые идиоты назначались советниками. Мошенники и жулики получали место бургомистра или судьи. Лакеи становились директорами театров и т. д. В одном рескрипте Карла Евгения Вюртембергского на имя Витледера, заведовавшего торгом должностями, об одном покупателе, претенденте на должность, говорится довольно откровенно: «Хотя таланта у него нет, но зато он честный человек, а 4000 гульденов – сумма порядочная». Отец

⁸ В Германии – земельный надел крестьянина.

Юстинуса Кернера купил свою должность за 6500 гульденов и всю жизнь не мог разделаться с долгами.

В Вюртемберге каждый вновь назначенный чиновник должен был подписать следующую бумагу, прежде чем вступить в отправление своей должности: «Если его герцогское величество соизволит принять на службу нижеподписавшегося, то последний имеет честь сим предложить всеподданнейше сумму такую-то... и немедленно ее уплатить» (следует подпись).

Прусский король Фридрих Вильгельм I неоднократно руководился при назначении на ту или другую должность соображением «кто больше даст». А если на какую-нибудь должность не находилось любителя, то ее просто предлагали первому попавшемуся богачу, а если тот осмеливался отказаться от предложенной «честь», то в Германии он рисковал попасть в крепость, а во Франции – в Бастилию, «пока не научится лучше ценить благосклонность его величества».

Так как этот прием оказался чрезвычайно выгодным, а, с другой стороны, денег всегда недоставало, то число мест постоянно увеличивалось или же придумывались самые нелепые должности. Если раньше в какой-нибудь коллегии заседали четверо или восемь советников, то их число доводили до 12, 24 и даже больше. При Людовике XIV были, между прочим, созданы следующие важные должности: осматрщика поросят и свиней, париков, свежего масла, соленого масла, кирпичей, счетчика сена, контролера дров, вин, продавца снега и т. д. И каждая должность продавалась сразу десятку или сотне желающих. В одном Париже было не менее 900 контролеров вин. Таким способом при Людовике XIV удалось в какие-нибудь 15 лет (1700-1715) обогатить королевскую казну суммой в 5 $\frac{1}{2}$ миллиона ливров.

Однако лучшим средством улучшения финансов абсолютизму казалось ухудшение монетной системы. В самом деле, что могло быть проще: стоило только уменьшить размер и вес талера, гульдена и зильбергрошена – и из той же массы металла можно было получить гораздо больше денежных знаков. В одну ночь бедняк мог стать Крезом⁹. И потому к этой процедуре постоянно возвращались, впрочем, уже с самого возникновения денежного хозяйства. До царствования Людовика XV номинальная ценность серебряной монеты менялась во Франции не более и не менее как 250 раз, а золотой – 150. Насколько подобная процедура была порой выгодна, доказывает великая перечекалка 1709 года, которая принесла казне более 50 миллионов ливров. Не мудрено, что в моменты кризиса почти все абсолютные монархи прибегали к этой хитроумной уловке. В связи с указанным средством находился другой излюбленный трюк – следуемые казне суммы, как-то: налоги, залоги и т. д. – уплачивались полновесной монетой, тогда как казна выдавала, например, жалованье ухудшенной монетой. Особенно Фридрих II обнаруживал в этой области блестящий финансовый гений.

А когда и это средство не спасало из затруднительного положения, то не стеснялись переходить и к открытому грабежу. Так, например, во Франции в 1689 году был издан указ о передаче под страхом тяжелого наказания в распоряжение королевского монетного двора всей серебряной мебели, бывшей в моде во второй половине XVII века. Спекулировать на народной нужде было также часто испытанным средством. Так как во Франции в периоды неурожая спекулянты – целые компании, скупавшие весь хлеб на рынке, последствием чего был систематический голод, – наживали огромные деньги, то Людовик XV примкнул к «заговорщической шайке» и ростовщической торговлей хлебом обеспечил своей казне чрезвычайно обильный источник дохода. Теперь известно, что Людовик XV был главным акционером компании Малиссе, занимавшейся скупкой хлеба, а в реестрах придворных штатов встречается специальный казначей по части «хлебных спекуляций его величества».

Государям, естественно, подражали их клевреты. Герцогиня Орлеанская сообщает о г-же Ментенон: «Когда она увидела, что хлеб не уродился, она дала приказ скупать его на всех ярмарках. Люди умирали с голоду, а она нажила массу денег». Понятно, что Людовик XV

⁹ Крез – царь Лидии (ок. 560-546 годов до н. э.), чьи несметные богатства вошли в поговорку.

не был сторонником свободной торговли хлебом – как все, так и она была монополизирована. Хронический голод народа казался ему самым счастливым положением, ибо по идеологии абсолютизма выходило, что счастье народа заключается исключительно в счастье государя, дарованного ему Богом.

Все подобные средства были, однако, выгодны только в значительных странах. Непосредственная эксплуатация народа путем налогов, продажи должностей, монополий и т. д. ограничена в маленьких странах больше, нежели в крупных. И потому мелкие государи, подражавшие великолепию «короля-солнце», были вынуждены изобретать совсем особые приемы эксплуатации народа, отданного во власть их произвола. Наиболее выгодным таким средством оказалась продажа людей, продажа собственных подданных воевавшим государствам, особенно Голландии и Англии, нуждавшимся для своих убийственных колониальных войн все в новых солдатах, которых они не могли найти у себя на родине. Такая торговля людьми была еще несколько гнуснее обычая отдавать за известную субсидию свои войска Франции или Англии или обещать не двигать их против них.

Наиболее усердными торговцами людьми в Германии были: ландграф (владельческий князь) Вильгельм Гессенский, наследный принц Брауншвейгский, мучитель Лессинга¹⁰, и герцог Карл Евгений Вюртембергский, палач Шубарта. Мы преднамеренно сказали: наиболее усердными. Ибо продажа собственных подданных была в продолжение многих лет излюбленной «финансовой реформой» целого ряда мелких деспотов... Вообще торговля людьми была одним из важнейших экономических фундаментов немецкого мелкокалиберного деспотизма. В 1776-1782 годах Брауншвейгский герцог Карл Вильгельм Фердинанд продал не более и не менее как 5723 человека на нижеследующих условиях: «Герцог Брауншвейгский обязуется предоставить корпус в 4300 человек пехоты и легкой кавалерии английскому правительству, взамен чего последнее обязуется выплачивать субсидию со дня ратификации договора, притом простую, ежегодно в размере 64 500 немецких талеров, в продолжение всего того времени, пока войско будет состоять на английской службе и получать жалованье. С того момента, как войска перестанут находиться на жалованье, субсидия должна быть удвоена, то есть достигнуть 129 тысяч талеров, и эта удвоенная субсидия должна выплачиваться еще два года по возвращении войск в Германию. Кроме того, герцог получает еще по 30 талеров за каждого солдата как вознаграждение за расход по вербовке, а за каждого убитого и за каждого трех раненых – по 40 талеров».

Из числа проданных по этому тарифу подданных Брауншвейгского герцога в 1783 году на родину вернулось только 2708 человек – итак, погибло 3015. Впрочем, не все они пали на поле битвы, многие из них погибли самым жалким образом в Америке. «Благородный» покровитель Лессинга дал приказ бросить изувеченных и раненых на произвол судьбы, разумеется чтобы увеличить кровавое жалованье, получаемое им от Англии. Таким путем герцог-спекулянт извлек во имя удовлетворения своих похотливых вожделений тройную выгоду из этих несчастных: сначала он продавал их здоровое тело, потом брал за их увечья и раны и, наконец, экономил на содержании инвалидов, предоставляя беднякам, потерявшим трудоспособность, погибать на чужбине. Неудивительно, что подобная славная «финансовая реформа» доставила ему 5 миллионов чистого дохода (Франц Меринг, «Легенда о Лессинге»).

Быть может, еще более «чувствительным» и «благородным» человеком был герцог Вюртембергский, продававший даже собственную кровь и плоть африканским мясникам, главным поставщиком которых он долго состоял за голландские деньги и во имя голландских интересов. Среди солдат, поставляемых им по договору в Капштат, было немало его незаконных детей, носивших фамилию Франкемон. Само собой понятно, что вюртембергский работоторговец продавал своих собственных детей не по той цене, по которой отпускал сыновей мужиков... За

¹⁰ Готхольд Эфраим Лессинг (1729-1781) – поэт и драматург, основоположник немецкой классической литературы.

такой товар, да еще за такое самопожертвование приходилось платить больше. Они фигурировали поэтому в качестве офицеров. Смотри по чину, за них платили втрое или еще больше, чем за простого рядового. Известно, что один из этих Франкемонов погиб в пустыне, другой – Фридрих – нашел только после 13-летних страшных мук и страданий дорогу домой, будучи вообще одним из немногих несчастных, вернувшихся на родину. Большинство (за исключением тех умников, которые дезертировали еще в пути) умерли в Батавии от чумы.

При оценке этой позорной торговли людьми необходимо иметь в виду, что только сравнительно небольшая часть проданных за границу солдат состояла из добровольцев. Огромное большинство вербовалось насильно. Частью это были подданные, обязанные отбывать воинскую повинность, частью их брали тем же способом, которым впоследствии рабовладельцы добывали себе черный товар. Из года в год многие юноши и мужчины захватывались в поле во время работ или же ночью в постели, других спаивали и насильно уводили... А кто попадал в когти вербовщиков, для того уже не было спасенья. В тысяче семейств, где были взрослые сыновья или отец еще находился во цвете сил, каждый вечер ложились спать не иначе как дрожа от страха. Надо себе живо представить все трюки этой единственной в своем роде «финансовой реформы», чтобы понять истинную сущность немецкого мелкокалиберного абсолютизма. Но, как уже замечено, все это в высшей степени логично. Доктрина абсолютизма сама собой приводила к этому. Историческая ситуация, сделавшая абсолютизм возможностью, снабдила его атрибутами всемогущества.

В идейной области этот факт приводил к тому убеждению, что государство, и в особенности народ, не имеют никакой иной цели существования, как только повышать возможность наслаждения жизнью обремененному властью государю и его двору, и притом в такой степени, в какой этого потребует их индивидуальный каприз.

Так как подданные существуют исключительно для государя, то любая его прихоть, один час счастья в его жизни не слишком дорого оплачены даже непрекращающимся горем десяти тысяч низкородившихся. В Германии и Франции, например, в известное время года крестьяне были обязаны приостанавливать полевые работы, чтобы не мешать фазанам и рябчикам выводить птенцов. Что за беда, если то и дело погибал весь урожай или часть его, если крестьянин не мог рассчитывать ни на возмещение убытков, ни даже на понижение налогов! Если ежегодно тысячи буквально умирали голодной смертью, то это несколько не тревожило христианнейшего короля.

В тот самый год, когда Людовик XIV истратил миллионы на роскошные постройки, население Дофине питалось травой и корой, и в ответ на горе и отчаяние голодных в лучшем случае раздавалась ироническая фраза: «Что ж! Кора – пища недурная». Меню немецких крестьян очень часто состояло из одних этих лакомств. В городах дело обстояло не лучше, чем в деревнях. Даже больше: здесь нищета достигала крайнего предела. Из $1\frac{1}{4}$ миллиона нищих, насчитывавшихся во Франции в 1777 году, на один Париж приходилось 120 тысяч, то есть $\frac{1}{6}$ всего населения столицы. Никогда социальные противоположности не выступали так наглядно. Одни умирали с голоду или жизнь их была медленной голодной смертью, а другие тонули в изобилии и – разлагались.

Трагизм положения еще увеличивался тем, что только незначительная часть буржуазии, дворянства и духовенства могла предаваться и в самом деле предавалась той безумной расточительности, в которой усматривали тогда характерный признак привилегированных классов. Хотя общество эпохи старого режима распадалось, по существу, именно на эти три главных сословия, однако внутри каждого из них существовали резкие противоположности, и только незначительные слои каждого из них могли участвовать в описанных «выгодах» абсолютизма.

Во Франции, например, дворянство состояло во второй половине XVIII века из 30 тысяч семейств, всего 140 тысяч человек, однако пользоваться благами режима могла только та

часть, которая отказалась от своих прежних феодальных занятий и добровольно опустилась до уровня придворной знати, исполняя с виду обязанности преторианцев¹¹, а на самом деле лишь функции высших лакеев. Впрочем, и эта служба была лишь фиктивной. Но даже такой фикции было достаточно, чтобы придворная знать получала большинство синекур¹², которыми в каждой стране мог распоряжаться по собственному усмотрению самодержавный монарх и которые были одинаково чудовищны как по форме, так и по доходности. Вернее, подобная фиктивная служба была необходимым условием получения синекуры, тогда как истинные заслуги были мотивом для отказа в ней.

Так как положение придворной знати покоилось на мнимых заслугах, то отсутствие заслуг становилось постепенно главной добродетелью аристократии. Как монарх, так и дворянство имели лишь «прирожденные», а не «приобретенные» права. Доходы были связаны с титулом, а не с какой-нибудь деятельностью. Этим объясняется то обстоятельство, что в каждой стране сотни лиц занимали должности, существовавшие только ради получаемого жалования. Истинная заслуга встречала презрение как добродетель плебейская. Из всего духовенства принимались в расчет только высшие сановники, все без исключения принадлежавшие к аристократии. Все их отличие от придворной знати выражалось в том, что их синекуры состояли в приходах. Как прибыльны порой были эти приходы, видно из того, что страсбургский кардинал Роган мог позволить себе «шутку»: добиться при помощи великолепного ожерелья стоимостью в 1½ миллиона франков благосклонности Марии-Антуанетты – «шутку», инсценированную и использованную ловким мошенником.

Даже если допустить, что число лиц обоих этих сословий, кормившихся и одевавшихся по милости короля, постоянно возрастало ввиду того, что развивающаяся капиталистическая система производства отрывала все большее число аристократов от их прежних феодальных занятий, заставляя их путем интриг и подхалимства оспаривать друг у друга падавшие с королевского двора куски, если, повторяем, допустить даже это, то все же не следует упускать из виду, что всегда речь шла в лучшем случае о нескольких десятках тысяч из обоих этих сословий, то есть совершенно ничтожном слое населения. И то же верно и относительно буржуазии. Здесь также речь шла о чрезвычайно тонком пласте, именно о представителях финансовой буржуазии. Промышленный капитал не идет в счет, так как производство все еще носило преимущественно мелкий характер.

Этот незначительный слой современной буржуазии – финансовая аристократия – имел, однако, очень большое влияние на стиль жизни в эпоху старого режима. Роскошь этой части буржуазии копировала роскошь дворянства.

С точки зрения абсолютистской идеологии было непростительно, если бы дворянство отставало в роскоши и расточительности от богатой буржуазии. В силу вышеописанных финансовых операций в руках буржуазии скопились значительные состояния, а с другой стороны, в эпохи первоначального накопления роскошь и расточительность считаются всегда высшим доказательством богатства. Поэтому финансовая буржуазия отличалась страстью к небывалой роскоши и стремилась прежде всего к тому, чтобы в этом отношении по крайней мере перещеголять аристократию.

В роскошной жизни эпохи старого режима участвовала, впрочем, еще одна группа, а именно всевозможные авантюристы и огромная армия паразитов, постоянно терпшихся около привилегированных классов. Благодаря наличию этой группы число лиц, живших в эпоху старого режима как в раю, кажется значительно больше, чем оно было на самом деле, так как эти авантюристы и паразиты, естественно, подражали приемам тех, кому происхождение позволяло ступать по головам людей ниже их по рождению... Но и включая эти промежуточные слои, мы

¹¹ Преторианцы – гвардейцы римских цезарей.

¹² Синекура – хорошо оплачиваемая должность, не требующая особого труда.

должны сказать, что не опровергнутым остается тот факт, что паразитический класс составлял в лучшем случае 5 % всего населения в каждой отдельной стране.

Возвращаемся к нашей исходной точке: дабы эти немногие имели возможность исполнять малейший свой каприз, хотя бы даже самый безумный, 95 % населения были обречены на голодную смерть или на жизнь среди постоянных лишений и забот. И в этом заключается истинный и глубокий трагизм абсолютизма.

Паразитическим классам и группам чужды самые элементарные понятия о человеческом достоинстве. В доказательство того, какие жестокости позволял себе абсолютизм, не наталкиваясь при этом ни на протест, ни еще менее на противодействие, приведем одно место из переписки герцогини Орлеанской. Третьего февраля 1720 года она пишет: «Принц Конти становится с каждым днем все безумнее и нелепее. На одном из последних балов в здешней опере он насильно берет за руку бедную девушку, приехавшую из провинции, отрывает ее от матери, сажает на колени, одной рукой придерживает ее, а другой – дает ей сто пощечин, так что кровь хлынула у нее изо рта и носа. Бедная девушка плачет навзрыд, а он смеется, приговаривая: „Je ne sais pas bien donner des chiqenaudes“¹³. Всем, видевшим эту сцену, стало жаль девушки, не сделавшей ему никакого зла. Он даже совсем не знал ее. И никто за нее не заступился, так как никому неохота связываться с дураком».

«Господская натура» забавлялась, и этого достаточно: «потому, что нам так хочется».

На все подобные явления абсолютизм отвечал одной и той же формулой, все оправдывавшей: таков Богом созданный порядок, не подлежащий изменению. И подобная философия, весьма удобная для пользования настоящим, лишала большинство абсолютных государей всякого предвидения исторических последствий.

Из тех же предпосылок вытекало ужасное политическое угнетение массы в эпоху абсолютизма, доведенное в конце концов до полного политического бесправия. Все зависит исключительно от Богом данного государя. Такова постоянно повторяющаяся основная мысль абсолютистского права. У народа одно только «право» – безропотно подчиняться. Непосредственным последствием подобного тезиса стало убеждение, что нет большего преступления, как сомнение в законности этого режима или стремление к его изменению, бунт против него. История не знает принципа развития, ее закон – неизменность всего существующего – так декретировал абсолютизм. Не меньшим преступлением является и критика поведения носителя власти. Критика – кощунство. Для такого преступника тюрьма слишком мягкое наказание.

И не только критика существующего строя есть преступление. Когда речь идет о массах, то преступлением надо считать уже самостоятельное мышление. Последнее излишне, и потому прибегали к самому рациональному противоядию: там, где разум обнаруживался, его били палками до смерти. В смысле профилактики средство это настолько же простое, насколько и целесообразное, ибо, как известно, мертвые не мыслят. Худшей палкой, которой всюду до смерти колотили разум, была цензура. И абсолютизм так мастерски пользовался цензурой, что Библия и молитвенник, а в католических странах еще и легенды о святых были единственными книгами, доступными массе в продолжение целых поколений. В Баварии, например, существовало 25 тысяч церквей и 200 монастырей с 5 тысячами монахов и – ни одного издателя светских книг. Когда однажды один отважный издатель открыл подобное предприятие, ему очень скоро показали, где раки зимуют.

В результате, как идеологическое отражение, господство в религии суровой ортодоксии, верховная формула которой гласила: «На все воля Божья, без которой и воробей не упадет с крыши». При этом ортодоксия выступала с одинаковой суровостью как в протестантской рясе, так и под католической тонзурой. Иезуиты учили: «Кто хочет удостоиться небесного бла-

¹³ «Я не умею давать пощечин» (фр.).

женства, тот должен связать разум цепями». В контексте разум значит здесь: критика существующего строя.

Нетрудно представить себе последствия подобного положения вещей. Наука окаменела и задыхалась в тисках пустой формалистики. Везде – не в одних только низах – царило невероятное невежество, господствовали дикие суеверия. Угнетенные и покоренные ортодоксией умы склонялись к тупой покорности и смирению, нашедшим – особенно в Германии – свое выражение в пиетизме¹⁴, доведенном до крайности.

«Пиетизм был последствием Тридцатилетней войны, отражением в религиозной области ужасной нищеты, вызванной этим кровавым бичом немецкой нации. В лице пиетизма немецкое бюргерство заявило во всеуслышание о своем банкротстве: оно хотело иметь дело уже не с землей, а только с небесами», – отмечал Меринг. Меры же абсолютизма, воцарившегося после Тридцатилетней войны, не могли освободить душу народа от этого кошмара. Напротив, абсолютизм старался еще закрепить его, так что в продолжение более чем столетия массы совершенно отчаивались, что на земле когда-нибудь взойдет лучшее будущее. Земля стала долиной скорби. Религиозные общины братьев и сестер, всюду возникавшие в XVII веке, эти похотливые отпрыски сектантства, были продуктом этого всеобщего отчаяния.

Было бы необычайным чудом, если бы в такой политической и социальной обстановке остался неподкупленным хотя бы какой-нибудь один орган государства. А таким органом государства был последний ночной сторож. И, конечно, такое чудо не произошло. Так как каждый чиновник покупал свое место, то пользоваться его услугами можно было тоже только за деньги. Отсюда само собой вытекало, что – ограничимся лишь областью правосудия – оберегались всегда права того, кто больше платил. Поэтому только негодяям жилось хорошо и только они были в почете. Человек же с характером легко подвергался подозрениям, проявлять характер даже считалось преступлением и каралось соответствующим образом. Когда военные советники Коелльн и Гербони восстали против вышеописанной «германизации» Польши, то первый был немедленно разжалован, а второй, не желавший прекратить своих нападков на мошенников, был брошен в магдебургскую крепость за «недозволенные связи, клонившие к расшатыванию порядка и тишины».

Не мешает здесь прибавить, что там, где городские республики¹⁵ исполняли те же функции, устанавливались те же формы абсолютного режима, приводившие к тем же моральным последствиям. Достаточно указать на Венецию, абсолютистское правительство которой не уступало по своей жестокости в XVII и XVIII веках Франции и Германии.

Резюмируя все сказанное, мы приходим к заключению, что история абсолютизма была великой трагедией европейской культуры, и мысль, что для большинства народов этот скорбный путь был исторической неизбежностью, может служить лишь ничтожным утешением. Тем отраднее факт, что дни абсолютизма ныне сочтены во всех странах и что ввиду коренного изменения исторической ситуации даже временное возрождение его господства невозможно.

Если вы спросите, какие же причины обусловили жестокость методов абсолютизма и почему эта жестокость всегда была неразрывно с ними связана, то следует ответить: как то, так и другое – как грубое присвоение власти, так и не менее грубое использование этой власти вплоть до последних дней ее существования – вытекало из вышеизложенных предпосылок исторического положения вещей. Возникновение абсолютизма было, несомненно, исторической необходимостью, а образование центральной политической власти было даже значительным прогрессивным явлением.

И, однако, абсолютизм не был органическим образованием.

¹⁴ Изначально пиетизмом называли движение внутри лютеранства, направленное на строгое благочестие, затем – чрезмерную набожность, часто лицемерную.

¹⁵ Независимые города (главным образом в северной и центральной областях Италии), где верховная власть принадлежала богатым феодалам и купцам.

Это была политическая форма, не связанная с общественным процессом производства. Только такие политические формы, которые так или иначе участвуют в производственном процессе, могут быть названы органическими. Абсолютизм был всегда лишь политической возможностью и потому в конечном счете только паразитом на теле общественного организма – это верно даже для его революционного периода. Абсолютизм был той политической возможностью, которая вытекала из классовой борьбы между восходившими денежными классами и нисходившим феодальным миром. Он был тем смеявшимся третьим, который сумел использовать в своих собственных интересах относительное бессилие обеих борющихся за господство сил.

Так как этот третий мог обеспечить себе свою долю добычи только силой, то историческая ситуация, позволившая монарху с выгодой для себя уравнивать один класс другим, привела, естественно, к торжеству грубой силы и постоянно вновь приводила к нему. Это продолжалось до тех пор, пока восходящий класс – в данном случае буржуазия – не окреп настолько, что сбросил, даже более, должен был сбросить со своих плеч этого паразита во имя собственного самосохранения, так как внешняя форма вещей уже не соответствовала их изменившемуся содержанию. В Англии это произошло в великую революцию 1649 года, во Франции – в великую революцию 1789 года.

Прибавим для большей ясности: эта борьба никогда не велась, само собой понятно, сознательно. Но от этого несколько не меняется результат. В истории решающее, действительное значение имеет внутренняя сокровенная логика вещей, ибо логика вещей всегда сильнее нелогичности умов. Конечно, знание законов, которым подчинен исторический процесс, упрощает и ускоряет историческое развитие. Но и теперь еще мысль о человечестве, сознательно творящем свою историю, светит нам лишь впереди как идеал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.